
СВОБОДНАЯ ЗОНА

А.П. Люсый

ВЛАСТЬ ТЕРМИНА И ПАРТИЗАНЫ СМЫСЛА (ПОПЫТКА БЫТЬ МЕДИЕВИСТОМ)

Революция (от лат. *revolutio* – «возвращение») – момент времени, когда транзитная планета образует точнейшее *соединение* со своим положением в *радиксе*. Построение и анализ гороскопа на момент Р. важнейших планет гороскопа (прежде всего, *Солнца* и *Луны*) – одна из основных *прогнозных методик* в астрологии.

Новая астрологическая энциклопедия

1. БЫЛЬ О ТРОЙКЕ

Эх, тройка..., – и так далее, по Гоголю, переходящему в Гегеля («тема-тройка!»). Т.е., – кто придумал такое уникальное преломление гегелевской триады, когда тезис, антитезис и синтез не следуют друг за другом гуськом, а свирепствуют рядом? А может это тройка сменивших гражданство апокалиптических всадников, которые забыли до омеднения нализовавшегося хмельной невской водой товарища на окаменевшей по такому случаю волне со змеей на гребне, а потом и сами, почивая, распрягли, хлопцы, коней, отпустив их, как душу, на волю? А те – подрабатывать. Скоро, скоро Вий вернет их разбойничьим свистом. Только *Медный* – окислился.

С давних пор слова эти, *медь* и *медиевистика* перекликаются в моем сознании не только случайным созвучьем, но и смыслами разного уровня. На этом уровне обитают идеи, но не «чистые», а рабочие, хотя и не всегда действительно работающие, покрытые потом, грязью и кровью. Медный всадник, показывающийся в промежутке между этими словами, впряжен то в пулеметную тачанку все сметающей лавы Первой конной идей, то в бурлацкую баржу вод застойных. А то становится рядовой клячей истории, по-достоевски загнанной в годы борьбы разных ветвей власти. Здесь же обретает и такая отрасль исторической науки как

историография, то есть история самой истории. Теоретическая сивка, на которой возят из-за чрезмерной обидчивости воду для утоления жажды собравших обильный урожай земледельцев.

А теперь – по существу. В городе N. на историческом факультете N-ского университета, студент Z. еще на первом курсе обучения выбрал себе для курсовой работы тему «Проблема падения Западной Римской империи в советской историографии». Было это в те благодные годы, когда такая тема выглядела чисто исторической, без какого-либо намека на сегодняшний день. Тема из категории «вечных» в своей окончательной неразрешимости, недоказуемая историческая теорема, эдакая «башня из слоновой кости» по исторически. Но привлекала она героя этой истории именно возможностью двинуть ее в светлое будущее. Нет, не в роли всадника, поскольку он уже смутно чувствовал, что роль всадника ему лично не светит, а скорее Троянского коня, который не то, что самолично въезжает туда, куда ему нужно, его туда (о, мечты) вносят.

Медиевистами, как известно, называют специалистов по истории средних веков (от лат. *medium aevum* – средние века). И те медиевисты, которые задолго до Z. занимались облюбованной им темой, могли бы сказать о себе,

перефразировав известную самооценку писателем 40-х годов XIX века насчет выхода из гоголевской «Шинели», что все они вышли из руководящих высказываний Сталина: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся... Все “варвары” объединились против общего врага и с грохотом опрокинули Рим».

И медиевисты как медиумы – посредники – стали в рамках своей отрасли творчески развивать эти указания, расписывая «единый фронт» революционных рабов, свободных середняков и изначально, получается, склонных к братанию германцев. Мол, «моя революция», и никому ее не отдам, и никуда от нее не денусь.

В 1933 году состоялся специальный пленум Государственной Академии материальной культуры, посвященный проблеме социальной революции в античном мире. Все участники – и античники, и медиевисты – старательно расписывали подробности этого первого «великого перелома» (а то вдруг отправят искать революцию в первобытно-общинном строе, или даже в обезьяньем стаде).

Так, С.И. Ковалев предложил рассматривать восстания в Римской империи во II-I веках до н. э. как первый этап революции рабов (некто вроде их 1905-го года), когда «господствующим классам удалось консолидироваться и получить передышку». А вот III-IV века уже нашей эры – ее вторая фаза, успешная (т.е. собственно Великая рабовладельческая). А.В. Мишулин подошел к восстанию Спартака как к вооруженному выступлению пролетариата. Ведь рабы, по его мнению, играли роль *гегемона* в революциях того времени. Причина их первоначальных поражений якобы заключалась в неумении повести за собой крестьянство, которое, недотепистое, «еще не понимало, что разрешение всех вопросов крестьянской революции неотделимо от задачи ликвидации рабовладельческой системы хозяйства в целом».

Кстати, не потому ли теперь более известный артист Мишулин – Спартак?

Пленум стал конкретным руководством для дальнейшего наращивания изысканий. Для всех, кроме В.С. Сергеева, который в своих «Очерках по истории Древнего Рима» (1938) как будто бы наплевал не только на пленумный пафос, но и на породившие его жестким идеологическим излучением фразы. Он позволил себе засомневаться в «революционности класса рабов» и связанных с ним групп населения, которые «сами являлись продуктом разложения рабов-

ладельческого строя, тесно были с ним связаны, экономически слабы и политически неорганизованны». Он вытащил фразу К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что классовая борьба всегда кончается «революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» и позволили себе сделать предположение, что во второй ее части речь идет как раз о рабовладельческом строе. Тут же идеологизирование и прекратив, он погружается в осмысление конкретных фактов. В качестве причины кризиса империи он называет рост основанных на рабском труде крупных латифундий и разорение крестьян, которых сменили наделенные землей рабы – *колони* (предшественники крепостных).

Так колони подточили колонны.

Мне неизвестно, чего стояла ученому его скрупулезность, его не столько медиевистическая, сколько римская же научная доблесть. Ведь так и напрашивалось поставить вместо латифундий – колхозы, и дело готово. Во всяком случае, более поздних его монографий встретить не довелось.

После войны другие историки, продолжая употреблять этот термин – «революция рабов» – как святую обязанность, с большим или меньшим искусством старались все же его как-то обойти при изучении фактов. В 1953-1956 годах на эту тему развернулась еще одна грандиозная научная дискуссия нового поколения историков, захватившая журнал «Вестник древней истории». Ее застрельщица Е.М. Штаерман сразу же задала тон новых веяний, заявив, что революционное (все-таки!) движение рабов и колонов, сочетавшееся с вторжением внешних племен, не вылилось в единовременную победоносную революцию, подобную ранним буржуазным революциям. «Рабство, как таковое, никогда, по существу, отменено не было». А интересно звучит эта фраза, освобожденная от общего контекста статьи. Штаерман разделяла сомнение известного, отсидевшего свои сомнения, медиевиста М.Я. Сюзюмова в прогрессивности движения городских низов, которые, требуя доступных по тем временам «хлеба и зрелищ», по существу требовали усиления эксплуатации трудящихся. За счет которых только и можно было удовлетворить эти требования. Наконец, Н.В. Пигулевская (уже – 1956) позволила себе оценить понятие «революция рабов» как бессодержательное, препятствующее тщательному анализу многообразия форм собственности и производственных отношений той эпохи, смягчающей противоречия религии.

В том же 1956-м вышел II том «Всемирной истории» как последнее обобщающее слово историков по этому, в частности, периоду, последнее прибежище если не термина, то – понятия. Авторы тома проявили предельную осторожность по отношению к каким-либо веяниям, а дискуссию как будто бы не заметили вовсе. Вокруг начинался явно революционный переворот, а у самих себя они произвели только переворот терминологический, употребляя вместо «революция рабов» – «коренная революция». А старый знакомец Ковалев, теперь уже в соавторстве с В.Н. Дьяконовым, в учебнике «История древнего мира» продолжал вразумлять подрастающее поколение, что тогда была «настоящая революция», а рабы оказались «могильщиками рабовладельческого строя». Есть, мол, у революции начало...

В 1964 году, переломном в другую сторону, за дело берется историк А.Р.Корсунский. С фактами в руках он доказывал неразвитость классовый борьбы в поздней Римской империи и невозможность выйти из того перворимского тупика какими-либо социальными силами самого общества (через десяток лет такую же идею применительно к третьеримскому тупику начал доказывать в «Коммунизме как реальности» А.Зиновьев). Корсунский решительно отверг положение о решающей роли восстания римских народных масс и об их союзе с варварами. Социальную революцию, с условием, что она была обусловлена не только внутри имперскими противоречиями, но и противоречиями внутри самих варварских племен как движущих сил переворота, он признавал. Особенность такой революции – особая длительность.

Значит, какой-то десяток лет «перестройки как революции» с ее последующим суверенистским бонапартизмом – это еще пустяки по сравнению с тем переломчиком продолжительностью в несколько столетий?

Z. обращался к теоретическому наследию вождя тогда еще бесспорной революции: «Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказать-

ся недостаточно для его совершения, – тогда общество гниет, и это гниение задерживается иногда на целые десятилетия». Строки эти доставляли Z. эстетическое удовольствие как поэзия Бодлера.

– Не знаю насчет Бодлера, но вот маркиз де Сад наверняка бы позавидовал выражениям Маркса, что рабы «со сладострастием» портили свои орудия труда, достигая тем самым сознания своего отличия от них (а не попросту чтоб не работать)? – спросил я во время нашей более поздней встречи.

– Да, Сад наверняка взял бы ее за основу, может быть, всерьез занялся бы изучением истории и экономики. И в дальнейшем, глядишь, преодолел бы присущие ему отклонения, приблизился бы к критическому реализму, творчески развил бы исторически опоздавшую к нему методологию – творчески и всесторонне, т. е. и эстетически. И в итоге мы бы и слыхом не слышали о пресловутом «садизме», как и о многих прочих «-измах», а царил бы повсюду единственно верный на все времена марксизм-маркизм. С гимном типа: «Все хорошо, прекрасная маркиза!».

Особенно приветствовал Z. в годы своей студенческой юности выступление в 1967 (октябрьски-юбилейном) году выступление А.Л. Каца, который пристыдил своих медиевистических коллег за то, что они, сознавая бессодержательность термина, пытались, однако, его чем-то заменить, не отказавшись от самой его сути. «...По нашему мнению, приходится отвергнуть мысль о том, что античное рабство было ликвидировано в результате «антирабовладельческой революции» или вообще какой бы то ни было социальной революции. Не назовешь «революцией» и тот длительный процесс вызревания новых отношений, что происходил на обломках империи после ее падения, когда прогресс двигался сложным эволюционным путем, через периоды упадка и регресса. Эти не всем понравившиеся выводы Z. и взял за основу, провозгласил последним словом историографии.

2. РЕВОЛЮЦИЯ И БУНТ НА КОЛЕНЯХ

С чего же это ополчился он так на само это слово-реликвию, как бы не желая, вопреки половице, именоваться горшком, а скорее соглашаясь полезть в печь возможного незачета курсовой? По «Свободе» первый раз гнали полный текст «Архипелага ГУЛАГ», и самолично читавший его Александр Солженицын утверждал

там и в попутных интервью, что и этой, заглавной, Великой Октябрьской, тоже, на самом деле не было. Все мы тогда вышли – временно – из Февраля, так что какая тут – Октябрьская? Однако ходили слухи о наличии студенческих марксистско-ленинских подпольных кружков, добивавшихся действительного проведения

именно Октябрьской революции. И даже одного патлатого сокурсника Z. вызвали куда следует за анекдоты и распевание в публичном месте совершенно непристойно звучащей для отечественного уха песни: «Sabot, bloody sabot».

В такой обстановке Z. почувствовал свое призвание в том, чтобы с помощью основоположников теории абсолютно всех возможных и невозможных революций, используя их революционную тактику, совершить ее (революции) изгнание хотя бы из древности. Чтобы пусть только бы там, на свободном временном плацдарме, можно было бы вздохнуть спокойно, выдавливая из себя по капле и раба, и ее саму.

Любопытно, а какие параллели возникли бы в сознании современного студента, возмись он за эту тему? Вот сейчас время от времени напоминают о положении в Германии в 1932 году, а о германцах 410 года – забыли! Мелькнет ли сравнение варварского вождя Одоакра, который, захватив Рим в 476 году и тем самым империю окончательно ликвидировав, ограничился властью только над Италией, на все другие части не реформируемого государства махнув рукой, с Б.Ельциным? Каковы они, группы бархатных», «варваров», внутренних «турок», питаемых «оранжевой» продовольственной помощью?

В дипломной работе Z. синтезировал положения своих курсовых работ, добываясь перестройки самой революции – до перестройки. Защитив свой диплом на «отлично», начиненный внушенными радиоголосами историческими параллелями, стоял он, подобно Троянскому полупроводниковому коню, у дверей кафедры истории древнего мира и средних веков, дожидаясь, когда его введут туда – аспирантом. Научный его консультант, зав. той кафедрой, уже одобрительно хлопал его по плечу, как по крупу. Но данайские эти дары не спешили принять.

Нет, никто так и не вник в его дерзкие методологические замыслы. Отчасти в духе Альбера Камю, называвшего подлинной страстью XX века стремление к рабству. Так сказать, *рабострастие*. Став империей, революция входит в тупик, обращаясь вовнутрь, и так происходит становление имперско-революционного ритма. «Империя предполагает, – писал Камю в “Человеке бунтующем”, – отрицание и уверенность – уверенность в бесконечной податливости человека и отрицание человеческой природы. Техника пропаганды служит тому, чтобы определить меру этой податливости и постараться свести рефлексию человека к его условным рефлексам. Она побуждает его сначала заключить пакт с тем, кто в течение долгих лет

считался смертным врагом. А затем она позволяет преобразовать полученный таким образом психологический эффект и заново выдрессировать целый народ, настроив его против этого врага».

Разные они были революции, горизонтальные и вертикальные, в пространстве и во времени. Маркс ограничился временной, перенес рай земной из начала времен в окончание, даровав угнетенным не свободу и землю, а время и вечность. И это стало высшим оправданием конкретного ада – в пространстве. Диалектика – лишь из всеобщего (читай: глобального) рабства родится свобода.

Нынешние бунты – в шадящем режиме, но осмысленней ли (сравнительно с пушкинской оценкой)? Французский сюрреализм воспитал специалистов по бунту широкого и узкого профиля, создав эстетическую индустрию для встряски умов и поглощения бунта умом же. Это евангелие беспорядка, где поэт и художник пытаются придать бунту точный в своей парадоксальности язык. И бунт становится дисциплиной восстания и саботажа. Ведь он исходит из отрицания, опирающегося на убеждение, тогда как революция – из абсолютного отрицания, обречения себя на рабство. Бунт призван создать ради все большего прироста бытия. Шахтеры еще свое наворачивают. Не отстали б печатники. А революция производит одно отрицание. Даже если и снять лобовое: «Грабь награбленное!», – аппарат расхищения действует, освещенный историческим бредом словесных перестановок. Революция беспредельна во времени и пространстве. Бунт – выяснение в действии грани и меры человека, избавление от безмерности мира. Мера же, равновесие бунта и есть инструмент подлинного социального творчества.

«Только революция, которая обещает без всяких проволочек отменить смертную казнь, заслуживает того, чтобы за нее умирали, – писал Камю, – только та, которая заранее отказывается от бессрочного тюремного заключения, достойна того, чтобы идти ради нее в тюрьму». Как узнать, что не обманет?

Существует два типа революционеров XX века, как утверждал Камю – йоги и комиссары (предчувствие «Чапаева и Пустоты» Виктора Пелевина?). Т. е. те, кто выбрали бесплодность чистоты и абсолютного воздержания, и те, кто решились на голое действие. Так воплощаются два вида бессилия – добра и зла. Их результаты равны – и в том, и в другом случае земля превращается в пустыню. Так созрел

ла ли для бури не столь уж и Великая, но еще Отечественная пустыня? Прекращение добычи энергоносителей экологично с точки зрения остановки роста пустыни. У кустаря-одиночки Z. производство подобных идей было в свое время остановлено вовсе не из-за *голой* идеи, а сладоострастно прикрытой парадным сукном.

Революцию и любовь, сопряженные Александром Блоком, Камю – разводит: «Любящий своего друга или подругу любит их такими, какие они есть: революция любит человека таким, каким он должен быть. В каком-то смысле любовь – это убийство совершенного человека, которого должна породить революция».

На курсе Z. была своя *Октябринка*, комсорг факультета («комсомолка, спортсменка»). Все пять лет писала «революционные» курсовые о стакане идейной любви. Зав. кафедрой Разлива и Сортировочной, по совместительству проректор, был очарован этими идейными спиритизмом и стриптизом. Отсортировал он к концу обучения – медиевисткой быть ей. Не беда, мол, что тема другая. Просто место одно появилось именно на кафедре древнего мира и средних веков. Как с таким Разливом поспоришь? Медиевисты всегда знали свою меру – с революцией, но без бунта.

«Обещанная революция, – писал Камю, – предает свои истоки, лежащие в царстве чести. Во всяком случае, ее выбор ограничен: либо материальная эффективность и небытие, либо риск и творчество». Октябринка выбрала – эффективность, стакан развитой, но еще не бродившей любви, бытие – не со Z.

– Тема-путана, – резюмировал Z.. – путан и приемлет, управляемая, как сказал бы оживший Ильич, вдохновленный Инессой, политическими путанами.

– Так у тебя распалась связь времен – антично-феодално-социалистических?

– Почему же – распалась? Принц Гамлет сам не ведал, что говорил, во всяком случае, не предусмотрел мой случай. *Связь* – была. Связь,

в итоге священная даже законом, хотя и не небесным. А Гамлет когда-то – он сам ее разорвал, вместо того, чтоб упрочить. Гамлет – бунтовщик-экстремист против формационности *связи* как формы истории. Но не революционер (массы, помните, вел Фортинбрас).

Развод Сортировочного начальника был скандален, как и женитьба на скольки-то там месячной Октябрине. Но все было списано на Разлив, обошлось. Медиевистика шла своим курсом к торжеству «нового средневековья».

– Ну, что, бойцы-бозэции, – неожиданно вошла в комнату, где мы беседовали, жена Z. – Только и слышно у вас – “Маркс! Энгельс”! А вот знаете, что утверждал Ленин? “смена занятий – лучший отдых”.

– Взял – и сменил строй, – почти хором ответили мы этой, так сказать, параше, прекращая дискуссию.

И приняв, так сказать, *на коня*, попрощался я с Z.

Как же так, спросит недоуменный читатель, – разложить персонажи в постелях и бросить их там, как в окопах фригидной гражданской войны, кого с Марксом, а кого – и с де Садом? Ладно там, рабы и варвары – тема «вечная», но нам-то что делать, против и за что бастовать?

Мой сюжет груб и прост, чтоб рабы не сломали.

Революция теперь стала политическим и экономическим брендом. Могу сослаться на сайт корпорации: www.revolution-group.ru/main_alternate.html.

Я давно не был в украинском городе N. и не видел Z. Но в Интернете встречаю его не столько политические, сколько геополитические рекомендации: «Украинская революция должна проходить в эволюционной форме. Политический и экономический кризис – это именно форма. Важно духовное возрождение власти, ее содержательная моральная сторона». Эволюция революции продолжается.